

Утро ранней весны дышало ярким солнцем. Пляшущие лучи пробивались сквозь кроны деревьев, оседали на плечах студентов и преподавателей и растворялись в их звонком смехе.

Девушки прогуливались небольшими стайками, то и дело хихикая, а пробежавшие мимо парни с охапками учебников, торопясь на пары, успевали переброситься с ними парой подколок.

За аллеей гвалтом заходила баскетбольная площадка. Мускулистые парни со спортивного факультета, не боясь весенней прохлады, гоняли мяч в одних майках и шортах. Воздух буквально пропитался их неумной энергией и задорными криками.

Под той же тенистой кроной деревьев из отдаления медленно шел юноша в черном худи с капюшоном, катя за собой чемодан.

Строгая точеная фигура, благородная осанка — он привлекал к себе взгляды невольно, без малейшего усилия. Смех и болтовня вокруг затихали. Прохожие замирали, поворачивая головы ему вслед...

Пока их внимание окончательно не прикипало к его худой, изящной фигуре.

— Чу Тань! Чу Тань! Ты вообще меня слушаешь?! Ты когда в общагу переезжаешь, помощь нужна? В какую комнату тебя определили, знаешь уже?

— Слышал, у вас в этом году при расселении полный хаос устроили? Это что получается, в одну комнату могут закинуть ребят с разных курсов и разных факультетов?!

— Ну почему у нас на факультете такого праздника нет?! В одном университете учимся, а судьбы такие разные — где справедливость, а?!

— Представляешь, каково это — попасть в одну комнату с кучкой спортсменов? Днем любуешься прессом, вечером трогаешь бицепсы, а потом берешь на себя все их разогревающие мази, растяжки и массажи... Да это же не жизнь, а сказка для сочного гея, я бы от счастья во сне улыбался! О Небеса, подарите и мне смену комнаты-ы-ы!..

Сун Синь орал в трубку во весь голос, его эмоциональные вопли становились все громче. Чу Тань, не торопясь, сделал звук в наушниках тише.

После долгой паузы, пока на том конце провода самозабвенно канючили и «вымаливали пощаду», Чу Тань слегка изогнул уголок губ и ровно, с легким вздохом отозвался:

— Да здесь я, не ори.

Сун Синь поперхнулся:

—... Ладно-ладно, молчу. Но, божество ты мое, ты ходил узнавать-то? С кем тебя в итоге заселяют?

— А смысл узнавать? Какая разница, с кем.

В его голосе звучало то же привычное невозмутимое спокойствие. Чу Тань прошел мимо группы студентов, смеривших его замороженными взглядами, и слегка кивнул. Прохожие — и парни, и девушки — синхронно кивнули в ответ, словно загипнотизированные, и только когда черная толстовка скрылась за поворотом, смогли выдохнуть.

Чу Тань из Университета Б был на архитектурном факультете легендой — «ледяным красавцем», предпочитавшим темные худи с глубоким капюшоном. Но даже нависающий капюшон не мог скрыть его глаз — выразительных, завораживающих, разрезом напоминавших лепестки персика.

Густо-черные радужки на свету отливали глубоким рубиновым глянцем, вспыхивая темным глянцевым светом. Белоснежная кожа, высокая тонкая фигура — в его облике сочетались сногшибательная красота и какая-то загадочная недоступность.

Если прибавить к этому блестящую успеваемость и архитектурные проекты, первыми занимавшие места на конкурсах, то станет понятно, почему преподаватели называли его гением, рождающимся раз в столетие.

На форумах и в чатах Университета Б темы, посвященные Чу Таню, растягивались на десятки страниц, а случайные фотографии его профиля занимали целые альбомы. Дело дошло до того, что во время неофициального голосования за титул «Первой красавицы школы» его имя шуток ради внесли в список... и он безоговорочно победил, заставив капитулировать и парней, и девушек.

К тому же он вел себя предельно скромно, держался особняком и редко снимал капюшон, что придавало его образу таинственную притягательность.

— Какая разница?! — ахнул Сун Синь на том конце провода. — Еще какая разница! А если...

Он запнулся на секунду и ляпнул без экивоков:

— А если тебя заселят с Цзинь Цзяньсином?! Что ты делать будешь? Что твои соседи делать будут? Да весь университет с ума сойдет!

Шаг Чу Таня мгновенно застопорился.

Это имя прозвучало как заклятие. Дыхание на мгновение сбилось, стало частым и неровным. Алый кончик языка неуловимым движением скользнул по губам, обводя их контур, словно

пытаясь унять внезапно вспыхнувшую жажду.

Но этого было мало. Слишком мало.

Лишь через пару секунд, когда дыхание выровнялось, а губы обрели влажный, манящий блеск, он заставил себя сделать шаг.

У Чу Таня была тайна, о которой знали лишь единицы.

С самого детства он страдал тяжелой формой синдрома оральной фиксации. В медицине это расстройство обычно проявляется в раннем возрасте, когда ребенок познает мир через рот и испытывает оральное удовлетворение от сосания или еды.

По мере взросления эта потребность угасает, оставляя лишь безобидные привычки: склонность к перееданию, курению, грызению ногтей или любви к леденцам.

Однако у Чу Таня болезнь приняла куда более гипертрофированную форму. Он буквально воплощал в себе термин «оральное влечение».

Его манила сама форма губ, их мягкость, чувствительность, контуры и кончик языка. Он испытывал непреодолимую, почти дикую потребность посасывать, прикусывать и ласкать чужие губы, чтобы получить желанное удовлетворение. Это напоминало крайнюю степень губного фетишизма, но проявлялось в разы острее.

А Цзинь Цзяньсин — местный хулиган и дерзкий спортсмен, с которым Чу Тань умудрился сцепиться еще на первом курсе, — обладал именно теми губами, перед которыми оральное влечение Чу Таня пасовало окончательно.

Ощувив, как влага на губах немного успокоила нахлынувший импульс, Чу Тань снова пошел вперед:

— Да ну, бред. На втором курсе столько народу, с чего бы нам оказаться в одной комнате.

— И то правда! — соглашаясь, хмыкнул Сун Синь и тут же хихикнул, нащупав пикантную тему:
— Но слушай, если вас реально поселят вместе — это судьба! Тогда ты просто покоришься воле небес, подойди к нему и скажи: «Одолжи губы попользоваться». Ты хоть представляешь, как трудно губному фетишисту найти идеальный объект? Поцелуешь его пару раз, че от него убудет? На твоём месте я бы вообще излизал его до полусмерти.

— У меня оральное влечение, а не фетишизм. И он — не мой идеальный объект. Спасибо за совет, — холодно отрезал Чу Тань.

— Да-да-да, ты его не любишь, тебе просто нравятся его губы... Ладно, ты когда вещи-то переносишь? Смотри у меня, опять тайком все сам не таскай! Я абсолютно свободен. Ужасно хочу посмотреть, что за избранники судьбы окажутся в одной комнате с нашим красавцем Чу! Обязательно меня позови, умоляю-у-у!..

Весенний ветерок шевелил кроны деревьев, срывая одинокий сухой лист. Тот, закружившись в воздухе, упал на краю шумной баскетбольной площадки.

— Отличный мяч! Брат Цзинь, красота!

Мяч, описав идеальную дугу после трехочкового броска, со свистом вонзился в сетку. Удар был такой силы, что щит из закаленного стекла задрожал, а металлическая конструкция жалобно зазвенела, заставив остальных парней на площадке вздрогнуть.

Цзинь Цзяньсин, не глядя на результат, крутанулся на пятке и широким шагом направился к скамейке. Открутив крышку бутылки с минералкой, он запрокинул голову и жадно заглотил воду.

Спортсмены сразу облепили его:

— Брат Цзинь, ты в какую комнату попал? Кто с тобой?

— Южный район, корпус А. Из троих видел двоих: один с факультета компьютерных наук, второй — наш, спортивный, из соседней группы. А третий пока не въехал.

— Ну, сегодня точно припрется. Объявление висело, что сегодня последний день, завтра уже учеба.

Ребята из команды забросили мяч и потянулись за своим лидером: кто пил воду, кто утирался полотенцем.

Цзинь Цзяньсин, в отличие от приятелей, сильного интереса к расселению не проявлял. Он скупно хмыкнул, достал телефон и зашел в общеинститутский чат проверить новости.

Парни продолжали чесать языками. Кто-то хохотнул и подмигнул соседу:

— Слушайте, а приколитесь, если этим третьим окажется наш «ледяной красавец» Архитектурного — Чу Тань? Вот это драмеди будет!

— Драмеди?! Да это чистый триллер! Кому-то точно пиздец придет! — Парни дружно заржали.

Услышав это имя, Цзинь Цзяньсин поднял голову.

Теплое весеннее солнце мгновенно залило его фигуру. Литые мышцы на бронзовой от загара коже казались высеченными из камня. При движении головы кадык на мощной шее качнулся, а сам он — ростом под метр девяносто — излучал давящую, первобытную силу.

В этот момент на аллее за сеткой мельком блеснул знакомый силуэт в черном.

В глубине глаз Цзинь Цзяньсина мелькнуло узнавание. Он нахмурился, вглядываясь, но тут из соседней секции в их сторону полетел потерянный мяч — аккурат в сторону девчонок, сидевших на скамейке.

Цзинь Цзяньсин, не поворачиваясь, выбросил руку, перехватил мяч и легким кистевым движением под сорок пять градусов отправил его обратной дугой через полплощадки.

Мяч влетел точно в чужую корзину.

— Ух ты-ы-ы! — ахнули девчонки, а парней с соседнего поля обдало холодным потом. Они виновато поклонились спине Цзинь Цзяньсина, прося прощения за оплошность.

А Цзинь Цзяньсин даже не обратил на них внимания. Он продолжал смотреть туда, где только что мелькнула черная толстовка...

Этот парень... был чертовски похож на Чу Таня.

— Брат Цзинь, ты куда смотришь? — Спортсмены уставились в ту же сторону, но ничего не увидели.

— Никуда, — Цзинь Цзяньсин отвернулся и снова уткнулся в экран. — О чем вы там болтали?

— Да говорим, ржак будет, если Чу Таня к тебе поделят! Наконец-то отыграешься за прошлый год! А то ишь, бежит от тебя, как от чумного. В одной комнате хрен он где спрячется!

— Вот-вот! Чу Тань этот, конечно, красивый, слов нет, но упертый — пиздец. Брат Цзинь у нас, конечно, парень суровый и вспыльчивый, но если его не трогать, он первый в драку не полезет и калечить никого не станет. Недаром же его в председатели студсовета выдвинули!

— Ну, председателем его сделали скорее для того, чтобы преподы могли его хоть как-то контролировать, — заржал кто-то. — Но мы-то знаем: с его-то авторитетом кто бы вообще посмел проголосовать против?!

— Вот именно! А этот Чу Тань... Поэты говорят: «Лишь замаячит весна — и расцветет Цзяннань», а про Чу Таня надо говорить: «Одно его "не знаю" — и Брат Цзинь попал на нары»!

— Ха-ха-ха! — зашлась хохотом компания. — Ну ты поэтический урод, рифмоплет хренов! В КВН собрался?

— Да я серьезно! Кабы их в одну комнату заперли, я бы на месте Брата Цзиня этого Чу Таня прямо на кровать прижал и задрочил насмерть!

— Скажи же, Брат Цзинь?!

Все уставились на Цзинь Цзяньсина, ожидая ответа.

Вообще-то вся эта вражда между ними началась с глупой случайности.

На первом курсе одна девчонка решила бросить своего парня — мажора из другого вуза. Тот, избалованный и тупой, явился прямо в университет и среди бела дня вытащил ее в коридор, устроив жестокую дележку с рукоприкладством.

Цзинь Цзяньсин обычно в чужие разборки не лез, но смотреть, как мужик бьет девушку — да еще и на территории его университета — не намеревался. Он вмешался, а мажор достал из кармана складной нож и кинулся на него.

Только вот мажор не учел одного: Цзинь Цзяньсин в драке был абсолютно безбашенным и отмороженным. В итоге, когда приехала полиция, мажор сидел в углу, скуля и загребая сопли, а Цзинь Цзяньсин выглядел как свирепый налетчик, которого еле оттащили.

Камеры в том крыле, как на грех, оказались сломаны. Девчонка от страха потеряла дар речи.

А единственный свидетель, пришедший вместе с охранниками и полицией, был Чу Тань.

Цзинь Цзяньсин уже почти убедил ментов, что защищал девушку — кто же станет сдавать своего? Но Чу Тань оказался исключением из всех правил.

Когда полицейские спросили этого недотрогу в капюшоне, что тот видел, архитектурный гений с каменным лицом ровно выговорил два слова: «Не знаю».

В итоге Цзинь Цзяньсина упекли в кутузку на целые сутки.

Семья Цзинь, разумеется, узнала о залоге. Дед Цзиня — заслуженный ветеран военной разведки — органически не переносил проблем с законом. Взбешенный дед выгнал внука из

дома и перекрыл ему все финансирование. По университету тут же поползли грязные слухи: мол, два парня не поделили девку и устроили поножовщину.

Позже полиция во всем разобралась, Цзинь Цзяньсина отпустили, но осадочек остался.

Цзинь Цзяньсин, впрочем, зла сначала не таил. Понимал: парень прибежал позже, самой драки не видел, перепугался, вот и сказал «не знаю».

Он просто хотел найти Чу Таня и по-человечески поговорить.

Но Чу Тань при виде него стал шарахаться, словно Цзинь Цзяньсин был прокаженным!

Вот тут-то у Цзинь Цзяньсина переклинило клеммы окончательно.

... Мысли вернулись в реальность. Парни всё еще ждали, что скажет хмурый Цзинь Цзяньсин. Все думали, что ярый натурал Цзинь-ге сейчас гаркнет: «Завязывайте с пидорскими шуточками».

Но Цзинь Цзяньсин, не мигая смотревший в экран телефона, вдруг процедил сквозь зубы:

— Заебу насмерть.

[0181] На площадке воцарилась гробовая тишина.

А потом народ взорвался диким хохотом:

— А-ха-ха! Слышали?! Брат Цзинь сказал, что трахнет его насмерть! Чу Таню пиздец!

— Заткнулись все! — гаркнул Цзинь Цзяньсин, не поднимая головы от экрана. — В общую группу гляньте. Завтра сдавать курсовую по педагогике. Все написали?!

Оказалось, Цзинь Цзяньсин вообще не слушал их треп. Он только что увидел новое уведомление от старосты — завтра сдача курсовой.

А у него не было написано ни строчки...

Одно слово Цзинь-ге — и вокруг поднялся такой стон и мат, что вся компания мгновенно испарилась, побежав спасать свои шкуры.

Чу Тань подошел к двери своей новой комнаты и бросил взгляд на наклеенный список жильцов:

«Факультет электронной инженерии: Сюй Пэн.

Спортивный факультет: Ван Шуай.

И... Одна косая черта?»

Что еще за «Одна косая черта», Чу Тань разбираться не стал — решил, что у кого-то из писавших просто дернулась рука. Достав ручку, он аккуратным, каллиграфическим почерком вывел ниже:

«Архитектурный факультет: Чу Тань».

Толкнув дверь, он вошел.

Внутри парень в наушниках яростно рубился в игру, то и дело взрываясь ругательствами. Из ванной доносился шум воды и лихой мотив песни «Самый яркий этнический ветер» — видать, второй жилец принимал душ.

По полу валялись неразобранные сумки. Оба парня просто швырнули свои матрасы и подушки на кровати с левой стороны от входа, оставив заброшенной правую половину комнаты.

Чу Тань осмотрелся и покатил чемодан вправо.

Сюй Пэн, сидевший в наушниках, затылком почувствовал движение, повернулся — и обомлел. Взгляд его медленно скользнул по фигуре Чу Таня снизу вверх, а когда их глаза встретились, парень так и застыл с открытым ртом. Из его наушников доносился треск командного чата, но Сюй Пэн не шевелился.

Чу Тань вежливо кивнул ему и отвернулся.

Он предпочитал спать у окна. Раз левая сторона занята, он направился к дальней кровати справа и взглянул на именную табличку у изголовья.

И снова удивился.

Там чернела точно такая же запись: «Одна косая черта»...

Что вообще за странный псевдоним? Неужели место занято? Но на кровати и за столом под ней

не было ни единой вещи.

Чу Тань решил уточнить у соседа. Повернулся — Сюй Пэн все так же сидел с вытаращенными глазами, следя за каждым его шагом.

... М-да. Спросить не получится.

Чу Тань перевел взгляд на ванную. Шум воды стих, но оттуда все еще доносилось фальшивое пение.

... Ладно, там спросить тем более не выйдет.

Если на двери и кровати нет имени, значит, место свободно. Чу Тань решил сперва застелить постель. За работой он всегда был предельно собран и аккуратен, поэтому далеко не сразу заметил, как в комнате изменилась атмосфера.

[0239] Сначала стихли вопли из наушников Сюй Пэна.

Затем в ванной выключилась сушилка и заглохла музыка.

А потом в комнате воцарилась такая звенящая тишина, что было слышно, как за окном падает лист...

Чу Тань на секунду замер, чувствуя, что что-то не так.

И медленно повернулся.

В этот же момент у вышедшего из ванной Ван Шуая с оглушительным грохотом вывалился из рук таз!

<http://bllate.org/book/20661/2105656>